

Приложение № 20

Чаинский детский дом

/ по воспоминаниям бывшей воспитательницы Девяниной В.М. /
Я, Девянина Валентина Михайловна, 1930 года рождения уроженка Горьковской области, в августе 1951 года после окончания Арзамасского учительского института приехала работать по распределению в Томскую область. Меня направили на работу в Тоинскую восьмилетнюю школу. При школе был детский дом. Я была назначена воспитателем в детский дом.

Большинство детей русские, много из Ленинграда. Директор Корнилюк Петр Кондратьевич. Много детей послевоенных, много сирот, полусирот, ~~вс~~ ~~е~~ ~~т~~ ~~к~~ ~~и~~ ~~е~~. Были воспитанники-дети по национальности немцы: Шрейдер Филипп, Мина, Витя. Все с Поволжья. Также были дети-воспитанники молдаване: Гребенюк Надя, Муся, Тима и т.д. Хорошо помню воспитанника немца Гросман Валью. Ребенок был с хорошо развитым чувством юмора. Он слыл главным шутником детского дома. У всех немецких и молдавских детей присутствовало огромное старание к труду, отличались от других тем, что много читали. В наш детский дом дети попадали из Томского детприемника, Чаинского, Тогурского, Колпашевского детских домов. Это были дети, так называемых "спецов". Дети были очень замкнутые, но между собой очень дружные. Их родители и близкие были подвергнуты репрессиям по линии НКВД-МГБ. Детей мы старались не разъединять по признакам родства и дружбы. В личных делах детей, которые поступали к нам, их родители не были указаны. Дети "спецов" отличались от воспитанников вольных родителей серьезностью и доброжелательностью. О себе рассказывали крайне неохотно. Отношение русских ребят-воспитанников к детям-воспитанникам-немцам и молдаванам было плохое. Их обзывали "фрицами", били их, с ними не играли. Многие русские дети-воспитанники потеряли родителей в войну. Ненависть русских детей-сирот к немецкому фашизму автоматически проецировалось на детей-немцев и молдаван. Воспитателям приходилось трудно решать эту проблему. Я собирала детей своих групп, беседовала с ними, читала, рассказывала специально о немцах., чтобы дети поняли, что не все немцы-гитлеровцы. У некоторых детей были живы родственники, но они это скрывали, боясь навлечь на них беду. Редко под большим секретом говорили воспитателям, которым особо доверяли об этом. Я старалась отыскать родственников. Например, немцу-воспитаннику Бургову Вите, отыскала сестру. Были дети из Прибалтики. Хорошо помню Аусму Якушенюк. Когда детей открепили от комендатуры, а дети "спецов" все находились на учете в комендатуре, у них стали появляться родственники. Девочками-прибалтийками воспитанницами в моей группе были Аня и Вера Вирта. Надо сказать, что у девочек-воспитанниц не было яркого деления на русских и "фрицев", как у мальчиков.

В конце 50-х годов в детский дом стали привозить детей пьяниц, т.е. объединили детей-сирот и детей, у которых родители были лишены родительских прав. Началась борьба между сиротами и не сиротами. Они делили маму, папу, воспитателя, домашний хлеб, домашний пирог и т.д. Дети высланных и других "спецов" стали просить отыскать маму, пытались писать по старым адресам. Все письма просматривались и прочитывались воспитателем, такой был порядок. Кроме того был приказ директора о просмотре детских писем.

Каждый месяц дети немцы и молдаване должны были отмечаться в Подгоринской райкомендатуре. В обязанность воспитателя входило брать всех своих детей и вести их в комендатуру. Она находилась в с. Подгорное за четыре километра от детдома. Меня это сильно возмущало. Я была родом из тех мест, где никаких ссыльных не было и о них никто ничего не знал.

Мой отец отвоевал в годы войны в 16 Литовской дивизии, очень этим гордился, я же в свою очередь гордилась отцом. В мои детские годы я представления не имела о комендатурах и спецпоселениях, вольно высказывала свое мнение обо всем и не имела никаких комплексов по этому поводу. Таким образом, мое поведение буквально повергало в шок работников комендатуры и органов, которые привыкли к безоговорочному подчинению себе и страху, внушаемому всем окружающим здесь в Сибири.

Очень способным воспитанникам давали возможность окончить 10 классов., остальных трудоустроивали после 8-го класса. Детям "спецов" не давали паспортов, 9, 10-й класс тоже не давали закончить. Директор Корнелюк бился над решением этих вопросов, получал нагоняи, но все таки некоторых сумел пристроить получать образование дальше. Здесь он получал солидарность в коллективе воспитателей и учителей, но не всех. Так он смог пристроить Шевчук Катю из "спецов" в педучилище города Колпашево. Имеются ввиду дети, детары которых находились в комендатуре.

В 1952 году стали давать паспорта, открепили их от комендатуры. И дети и взрослые очень радовались этому факту. Петр Кондратьевич Корнелюк требовал от всех нас большой заботы о детях. Воспитанников кормили неплохо, ругал за каждую выброшенную картофелину. В детдоме был свой свинарник, велись кролики, за животными ухаживали воспитанники. Детям давали конфеты, по праздникам шоколадные, апельсин на человека/иногда а апельсин на группу детей, который делился поровну на всех/, виноград, арбузы. Это была редкость и диковинка, жители поселка всего этого не видели вообще.

подпись Девянина В.М.

1992 год, п. Гришкино, Томская область.